

Владимир Николаенко

кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Федерального бюджетного научного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт радиологии и агроэкологии», г. Обнинск, Россия

Леонид Николаенко

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры отраслевой социологии факультета социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Юрий Яковенко

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Vladimir Nikolaenko

PhD in Sociology, Docent, Senior Researcher, Federal Budget Scientific Institution "Russian Research Institute of Radiology and Agroecology" (Obrninsk)

Leonid Nikolaenko

PhD in Philosophy, Docent, Associate Professor of Department of Branch Sociology, Taras Shevchenko National University of Kyiv

Yuriy Yakovenko

Doctor of Sociology, Full Professor, Professor of Department of Branch Sociology, Taras Shevchenko National University of Kyiv

КОММУНИКАТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ ПУСТОГО СЛОВА: ПАРАЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПОСТМЕТОДОЛОГИИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с предельно возможными нарушениями принципа точности в содержании слов, приводящими к пустословию в вербальных коммуникациях, порождая специфические коммуникативные эффекты. Подчеркивается, что, когда подобное происходит в социальных науках, возникают пустые понятия (понятия с нулевым объемом), которые не соответствуют критерию научности, актуализируя его иллюзию: наука переходит в состояние постнауки (в нашем случае – постсоциологии). Как следствие, общественно-историческая практика в глазах ученых утрачивает значение критерия истины; разрывается связь социально-исторического развития общества с наукой о нем; происходит дискредитация так называемых общих понятий – теоретически значимых категорий познания; растет число методологий не способных обеспечить теоретический синтез и дать обществу знание о его исторической перспективе. В социологии таким критерием молчаливо признается успех на рынке социологической информации, замкнутый на частные практики. И тогда понятия полноты, точности и др., связанные со словом истина, обращаются в глоссы – звучат, но пусты, и особую ценность обретают слова, связанные с социологической эмпирией, как-то валидность, надежность, репрезентативность, верификация.

Ключевые слова: алогизм, анонимный субъект, глосса, демагогия, классика (неклассика, постнеклассика), паралогика, постметодология, постправда, постсоциология, пустословие, софизмы, социальные эффекты пустого слова, языковые игры.

У статті розглядаються питання, пов'язані з гранично можливими порушеннями принципу точності в змісті слів, що призводять до марнослів'я у вербальних комунікаціях, породжуючи специфічні комунікативні ефекти. Підкреслюється, що, коли подібне відбувається в соціальних науках, виникають порожні поняття (поняття з нульовим обсягом), які не відповідають критерію науковості, актуалізуючи його ілюзію: наука переходить у стан постнауки (у нашому випадку - постсоціології). Як наслідок, суспільно-історична практика в очах учених втрачає значення критерію істини; розривається зв'язок соціально-історичного розвитку суспільства з наукою про нього; відбувається дискредитація так званих загальних понять - теоретично значущих категорій пізнання; зростає число методологій, які не здатні забезпечити теоретичний синтез і дати суспільству знання про його історичні перспективи. У соціології таким критерієм мовчазно визнається успіх на ринку соціологічної інформації, замкнутий на приватні практики. І тоді поняття повноти, точності та ін., пов'язані зі словом істина, звертаються в глоси - звучать, але порожні, а особливу цінність набувають слова, пов'язані з соціологічною емпірією, а саме: валидність, надійність, репрезентативність, верифікація.

Ключові слова: алогізм, анонімний суб'єкт, глоса, демагогія, класика (некласика, постнекласика), паралогіка, постметодологія, постправда, постсоціологія, пустослів'я, софізми, соціальні ефекти порожнього слова, мовні ігри.

Что-то есть очень неправильное в нашей всей цивилизации, и она катится под уклон, как бы там мы не похвалялись перед красными, – грустно сказала Сандра, – главное – это ложь, лицемерие.

– Наследие девятнадцатого века – свойственная всем нам вера в слова. Когда-то слово было словом чести, правды для феодальной аристократии, для купечества. Для престижа это было необходимым элементом общественных отношений. А теперь слово больше вообще не будет ни для кого убедительным. Это серьезный моральный кризис, назревающий в нашей цивилизации. Противно становится жить, теряешь цель и смысл.

Иван Ефремов. Лезвие бритвы.

Нас с детства учат логике, но однолинейной, однобокой, математической. Пора бы уж подумать об иной педагогике. А то, например, мы привыкли с детства считать, что рыба – типичное холоднокровное животное, стоящее в физиологическом отношении куда ниже наземных позвоночных. Но ведь есть теплокровные рыбы с мясом, похожим на говядину, потому что оно так же обильно снабжено кровью.

Иван Ефремов «Лезвие бритвы».

Пустословие как научная проблема привлекает внимание ученых не одно столетие, но с древнейших времен ее пытались решать исключительно логико-гносеологическими средствами, усматривая в ней только один из возможных факторов, ведущих ученых к заблуждениям. В целом такая тенденция сохраняется до сегодняшнего дня, но с момента выделения в общей проблематике философии языка наметилась серьезная конкретизация исследовательских поисков и теперь пустое слово стали постепенно связывать с порождающими его социальными факторами. Правда, делают это преимущественно на интуитивном уровне. Современный уровень развития социологии языка, социологии знания и социологии культуры дают возможность осуществить осмысление политического и научного пустословия в социологической плоскости и показать, что если между ними есть прямая корреляция, то наука обязана заниматься разработкой достоверного знания, совершенствованием собственной понятийной системы, без чего становится проблематичным как процесс социального развития, так и связан-

ная с ним научная формулировка и решение социально детерминированных практических задач. Сказанное дает основание для постановки **проблемы**, которая состоит в необходимости преодолеть гносеологическую ситуацию, в которой имеющееся в философии языка знание о пустом слове не дополняется четким пониманием его социальной природы в социологии языка?

Одному из нас уже приходилось обращаться к проблеме пустословия и частично к его коммуникативным эффектам [1]. Тогда шла речь о том, что многие ученые, и особенно философы так или иначе обращали внимание на пустословие, но систематическое его исследование еще и не начинали¹. Автор обосновывал идею, что пустое слово отличается согласованностью его фонетической и семан-

1 Правда, можно назвать знаменательную статью о болтовне Кевина Маллигана [2], где автор как представитель философии языка пытается создать философское представление о болтовне, имеющей место в философских текстах, и в основном связывает ее с широким употреблением непонятных слов, называемых словом глоссы.

тической составляющих, а чтобы более точно понять причины этой рассогласованности, выделял две категории пустых слов: глоссы или непонятные слова, требующие пояснения их смысла, и слова, которые *кажутся понятными*, не требующими дополнительных разъяснений, но результат их воздействия на сознание людей всегда оказывается *для них* неожиданным. И только задним числом можно понять, что, если кто-либо в общении с вами прибегает к употреблению таких слов, он вызывает у вас иллюзию понятности и, достигая вашего согласия на те или иные действия, а то и вашего вовлечения в них, оставляет вас «у разбитого корыта», в проигрыше.

Нынче распределение национального богатства и власти, осуществляется именно так, – в соответствии с законами функционирования буржуазного сознания, которое социологи, зная его социальный антоним, боятся называть его собственным именем. В недавнем прошлом Гегель, между прочим, часто уделял внимание *пустым представлениям*, «расплывающимся в ничего не говорящих оборотах речи, но не достигающим никакой власти над силами духа, уже предположенными, как самостоятельными» [3, с. 10]. Гегель, еще не мог разрабатывать тему власти одних людей над духом других, зараженным пустыми представлениями о себе как самостоятельных субъектах действия, сформированными в ходе применения слов со множеством возможных смыслов. Позже социологи заговорят о конфликте интерпретаций, умалчивая, что, на самом деле, речь идет о социальных конфликтах, хотя и протекающих в дискуральной форме.

И. Кант также отмечал «ученое пустословие», которое не дает основания «судить о качестве... понятия», его «полезности», а осуществляется ради «мнимого остроумия» и чтобы «создать видимость основательности» [4, с. 81]. Кант тоже не социолог, однако, отмеченная им *видимость* основательности современному пустому слову не только присутствующая, но и весьма действенна. И если, согласно Канту, «цель логики – не запутывать, а распутывать, не излагать что-то в скрытой форме, а достигать ясности в изложении» [5, с. 71], то в современном пустом слове заключена именно запутывающая цель, достигаемая за туманиванием сознания оппонента.

Кстати, философ в глазах обывателя как раз есть болтун, пустослов, никчемный человек, не способный выразиться понятно. По этой причине в научных публикациях монографического характера обязательно указывается, на какую категорию людей они рассчитаны, предполагая, что большинством данный текст будет восприниматься как пустая болтовня. Пустое слово, между прочим,

может быть и литературным (художественным приемом), вызывающим позитивные коммуникативные эффекты, развивающие художественные вкусы читателей, но сейчас речь идет не об этом, а о его собственно социальных эффектах, разделяющих общество на различные категории людей, обращая их поведение в управляемое не в их интересах.

Иначе говоря, мы хотим показать, что реальная болтовня политиков и ученых, перешедшая в разряд повседневной: 1) ориентирована на четко выверенные прагматические цели; 2) имеет под собой субъективные и объективные социальные основания; 3) является продуктом так называемой постнеклассики или постнауки, практически отказывающейся от принципа точности и строгих доказательств; 4) подрезая крылья народному (читай социальному) творчеству, становится одним из средств социальной селекции, а также одним из способов воспроизводства социальных неравенств.

Мы хотим лишь поставить проблему, чем дав возможность научному сообществу обратить внимание на самих себя, на состояние собственного профессионального языка – языка социальной науки.

Из сказанного вытекает и *цель статьи* – показать, что возврат науки (включая и социологию) к классическим канонам является логически обоснованным и исторически неизбежным, в ином случае, всему общественно-политическому грозит усиление статуса «служанки политики» (а то и богословия).

Мы обращаем внимание ученых на то, что одним из социальных эффектов пустого слова в политике является распространяемая *в низах* так называемая акедия² (греч. akedia уныние, умственная тупость) – предельно возможное равнодушие, включая к самим себе. Абсентеизм (от лат. absens, absentis – отсутствующий, англ. absenteeism) или систематический отказ от участия выборах – тоже один из таких эффектов, способ самозащиты от постоянно слышимых пустых слов и первый звонок массового политического уныния, – нежелания думать о негативных политических реалиях. Массовый абсентеизм – еще и показатель усталости общества от политической болтовни и утраты им способности к адекватной социальной самозащите. Он же еще и показатель выключения из политической жизни большого числа людей.

2 В русифицированном варианте иногда говорят акедия. К слову, церковь говорит об акедии как о самом тяжелом из всех бесов, вселяющихся, например, в монаха, – полуденном бесе уныния, захватывающем всю душу и приводящем ее в состояние изнеможения [6]. Однако нелишне было бы иеромонаху Иову, достаточно точно описывающего психику уныния, сказать и о его социальных причинах.

Предельно возможная социальная дифференциация, расплывающая общество на атомы и порождающая гипериндивидуализм, без легитимизирующего ее пустословия тоже была бы невозможна. Современное политическое пустословие возникает не само по себе, поскольку часто строится на достоверном знании, например, возможностей так называемой системы целенаправленного воздействия (СЦВ), с которой социологи-эмпирики давно знакомы, потому что сами такую систему регулярно разрабатывают применительно к каждому конкретному случаю, обусловленному тем или иным политическим заказом.

Пустословие в науке, между тем, оказывает воздействие и на все научное сообщество. Так, например, современные обществоведы начинают напоминать почетный древнеримский клан жрецов-авгуров, истолковывавших поведение птиц, включая в полете, *в интересах богов*. Они пользовались собственным языком, сеющим иллюзию обладания ими тайными знаниями. Авгуров язык был предметом насмешек, что их не останавливало: цинично пересмеиваясь, они вводили неофитов в заблуждение, легитимизируя социальный порядок того времени. Каждый из них понимал, что каждый из них находится на почетной официальной службе.

Нынешние авгуры тоже облачены в почетные мантии ученых либо не менее почетные мантии экспертного сообщества, и нынешние боги им хорошо известны. Правда, они известны всем, только в отличие от древних богов, их не принято называть по именам, хотя временами принято как бы поругивать. А как иначе поддерживать уже подмоченный собственный авторитет? *Достоверность, научность, точность, логическое непротиворечивость, полнота* и прочие слова, связанные со словом *истина*, имеющие отношение к классической науке, к диалектике связи эмпирии с теорией, в их профессиональном языке если и употребляются, то не более чем глоссы: звучат, но пусты, потому что они наполняются действительными научными смыслами лишь в ходе соответствующих исследований. Фактически же они вытеснены словами *валидность, надежность, репрезентативность*, имеющими отношение преимущественно к эмпирике. К тому же последние еще стали и средством взаимной конкуренции (иногда превращающейся в откровенную публичную свару) якобы за приоритет в объективности на рынке *социологической информации*. Впрочем, само слово *объективность* давно редуцировано к банальной верифицируемости.

Что такое означает? Только одно: полную утрату связи социологической науки с

общественно-исторической практикой как критерием истины, которая обеспечивает действительную связь социального развития общества (его истории) с наукой, имеющейся в нем, и замыкание науки на прагматические практики, коих не перечесть! И тогда даже те, кто в борьбе за монополию на рынке *социологических услуг* оскандалился, становится фигурой релево (лат. *relevo* – облегчать), легитимирующей описываемое поведение всех остальных. Вот такая она, постнаука, существующая в форме современной социологии, *постсоциология*.

Напомним, что после Шютца понятие релевантности (английское *relevant* – относящийся к делу) значительно облегчило жизнь социологов. Они поняли одно важное правило и негласно стараются неуклонно следовать ему: результаты социологического исследования должны соответствовать ожиданиям заказчика.

Скажем, когда *полное* название Великой французской буржуазной революции перестало относиться *к делу* следующего поколения политиков, то они вместе с учеными его укоротили: сделали *не полным*, и её стали называть Великой французской революцией. Имя (предикат) *буржуазная* (совершенная в интересах буржуазии, хотя в ней принимали участие не только буржуа, но и другие социальные группы, включая людей труда, поверивших в провозглашенные гуманистами социальные идеалы), исключили. Теперь, читая о ней, думаешь, ну произошла и произошла, а *кто* ее совершил, *во имя чего?* – непонятно, да *к делу не относится!* И тогда многие делают ложный вывод, что революции происходят сами собой, подобно тому, как нечто происходит в природе. Так действительного субъекта революции сделали анонимным³.

Как видим, научное понятие с неполным объемом реально обращается в разновидность пустого слова, то есть, пусть и частично, утрачивает статус понятия. В классической науке подобное недопустимо, а в постнауке – норма. Так заработок обретает абсолютный приоритет, выводя ученого из высокого мира идей и ввергая его в низкий мир повседневности!

3 Исторические параллели с нашим собственным прошлым напрашиваются сами собой, ведь между словами социальное и социалистическое есть прямая и непосредственная связь. Ее и разорвали, – правда, сделали это еще во времена создания социологии, когда еще не существовало понятия социального действия как действия, строго ориентированного в социальном пространстве, когда каждый субъект действия пытается обратить каждого другого такого же субъекта действия в объект собственного волевого воздействия с той разницей, что действия одних (а именно тех, кто одержал верх) имеют преимущественное право на получение статуса правовых, а действия других, соответственно, – преступных.

Нужда зарабатывать превращает достаточно большую часть ученых в дельцов от науки! Они и составляют особую касту с авгуровым поведением, а их язык получил статус действительного научного языка. К сожалению, нынче авгурово поведение в науке в наибольшей степени свойственно именно социологам, которые даже не замечают, что их рыночно ориентированный язык – разновидность авгурова языка, в котором выражаются интересы, далекие от интересов тех, кого они же обозвали массой, и кто не без их усилий *принужден* массой быть.

Но древние авгуры точно знали, что они циники и почему они циники, а для современных цинизм стал нормой, привычкой, исключаящей особую рефлексию. Они искренне удивятся и даже обидятся, узнав о себе такое.

Формирование подобной категории ученых начинается со студенческой скамьи. Не социологам ли, работающим в вузах, знать об этом? Они понимают, о чем здесь идет речь, но искренне удивляются, наблюдая *академическое поведение* вынужденных зарабатывать студентов, которое никак не связывают с собственным профессиональным языком, обусловленным практически всеми современными социальными институтами.

Не лишне напомнить, что понятие нооферы Вернадского предполагает особое состояние научного сообщества, служащего исключительно истине, а не богам, например. Социологическое сообщество, по определению, *обязано* заниматься поиском обществоведческой истины только там, где покоится общественное благо. Однако в условиях функционирования рынка социологических услуг социолог вынужден ориентироваться на частный интерес частных лиц, пусть даже и составляющих отдельный класс людей. Иначе кто ему за его *работу* будет платить?

Мы хотим лишь расширить исследовательское поле, к чему подвигает нас наблюдение за нарастающим пустословным потоком в политике, СМИ, науке и, как уже было сказано, среди коллег по социологическому цеху, и обращаем внимание на то, что теперь глоссы обретают неизвестные донные оттенки: слова как будто понятны, только последствия, наступающие после них, оказываются преимущественно неожиданными. Социальную ответственность за содеянное, разумеется, никто не несет: привлечь к ней некого, да и некому⁴.

4 Социальная ответственность в действительном ее социологическом понимании, вопреки расхожему мнению, является не абстрактной ответственностью перед людьми за данные им обещания, а ответственностью группы людей перед другими группами людей, способными применить санкции (привлечь к

Обывателю, между прочим, событийный ряд понятен лишь тогда, когда разговор о нем вызывает ожидаемые им результаты. Когда же слова порождают одни ожидания, а их последствия оказываются неожиданными и требуют для их описания совсем других слов, сознание обывателя затуманивается, а общественное сознание раскалывается на огромное число мнений, каждое из которых обусловлено местом их носителей в социально-групповой структуре общества. В такой ситуации единственно адекватным способом классификации и описания множества взаимоисключающих мнений остается классовый анализ⁵, дающий возможность исследовать социальные причины раскола языка народа на языки групп, требующих смыслового согласования. Здесь и возникает *потребность* в особом экспертном сообществе, способном заниматься *социально (!?)* ориентированной интерпретацией происходящего, но почему-то всегда в интересах правящего класса. Здесь же возникают и *специальные* языки, без которых так называемая социальная интеграция средствами слова становится невозможной. Одним из таких языков является язык пустого слова, который как бы встраивается в общую языковую систему, становясь своеобразным социальным арбитром.

Пустословие – своеобразный отрыв от реальности, порождающий иллюзию прямой и непосредственной духовной связи с нею. Для социолога в нем важно то, что оно стало практически универсальным способом общения, когда пустословят одни, а иллюзия связи с реальностью поражает сознание других, обращая его в массовое. К тому же оно стало еще и одним из средств в социальном конструировании бесконечно множащихся социальных неравенств, о чем нужно иметь смелость сегодня сказать вслух.

К слову, Д. Блур в своей сильной программе поставил вопрос о воле и мужестве социолога, останавливающегося в «нерешительности в вопросе включения науки в пределы идущего до конца социологического исследования ...». Д. Блур утверждает, что «недостаток мужества имеет более глубокие корни, чем предполагается данной чисто психологической характеристикой». А потом приводит

ответственности) за содеянное с ними. Иначе данное понятие редуцируется исключительно к моральным аспектам, чем исключается правовой аспект проблемы и собственно социальный, связанный с социальными взаимодействиями.

5 Классовый анализ, опять же вопреки расхожему мнению, следует понимать как диалектическую логику или логику противоречий, изложенную языком социологии.

в пример К. Мангейма, которому «мужество изменило», «несмотря на его решимость установить каузальные и симметричные принципы объяснения, ... когда он подошел к таким, по-видимому, автономным предметам, как математика и естественные науки» [7].

Известно, что социология знания Мангейма не выходит за пределы анализа заблуждений, но он не смог даже подумать о том, что и сам в чем-то может заблуждаться. Он не имел мужества и воли собственные принципы социологического анализа заблуждений применить к самому себе. Абсолютное большинство современных социологов поступает подобным образом и, как результат, скатывается в словоблудие. Кстати, мало кто задумывается о том, что фундаментальными примерами словоблудия являются эклектика, алогизмы, паралогизмы и прочее подобное, щедро рассыпанное в социологических текстах, что и подвигло нас обратить внимание не на допускаемые авторами случайные логические ошибки, а на те *ошибки*, которые могут быть осмыслены как социально ориентированные действия или действия, ориентированные на тот или иной социально-практический эффект, выражающийся в воспроизводстве социальных неравенств.

А вот один из примеров словоблудного действия, приведенный С. Жижекком: «... я, допустим, – чистый либерал, для меня «свобода» – это просто свободный рынок» [8]. Добавим, что здесь *либеральное* словоблудное действие состоит в том, что либерал, говоря о свободе, имеет в виду именно свободный, – ничем не ограниченный, – рынок, но эту свою мысль либо вообще не озвучивает, либо формулирует ее так, что неопиту начинаешь казаться, что между словами *свобода* и *свободный рынок* существует синонимическая связь, в силу чего в его голове возникает иллюзия полного логического тождества между общим и частным.

Хотя дело обстоит еще сложнее, ибо в логике либерально ориентированного мышления «свобода» и «свободный рынок» либо нечто совершенно тождественное, что абсурд, либо вообще не связанное между собой, что еще один абсурд, либо за счет знания об абсолютной значимости *социальной свободы для всех и каждого* приписывается такая же значимость *свободному рынку*, что уже демагогия. И это еще не все. Либерал, говоря о свободном рынке, на самом деле имеет в виду систему свобод действия для особой группы людей, ведь сам по себе рынок свободным быть не может, ибо он не есть субъект действия. Для большей понятности приведем аналогию с субъективным представлением о *свободной*

дороге: не дорога свободна – свободны двигаться по ней те, кому *дан* зеленый свет. Так и рынок дает зеленый свет на использование *чужого* труда в частных целях, которым приписывается статус *общественно значимых*.

Но мало кто задает себе вопрос, почему либерал методом многократного повторения вбрасывает в общественное сознание подобные *истины* (!?), имея целью *внушить* их всем и каждому? А ответ прост. В капиталистическом обществе в массах сформирована пусть и не отрефлексированная идея *свободы от рынка*, которую либералы пытаются подавить перечисленными выше *истинами*, выстраивая свою речь таким образом, что внешне она выглядит как состоящая из строго выверенных научных понятий, хотя на самом деле, представляет собой эмоционально связанный глоссарий, в котором каждая глосса требует непременно уточнения.

Проще говоря, либеральная политико-экономическая позиция теоретически отрефлексирована либерально ориентированными учеными, которые точно знают, чему противостоят. Возникает ситуация, когда ученые начинают продуцировать заведомо *неполное знание*, которое по своему социально-эпистемологическому содержанию противоречит негативному опыту абсолютного большинства людей, проживающих в условиях рынка, но не обученных выражать *собственный жизненный опыт* в логике действительных понятий. А, следовательно, данный опыт должен подлежать реконструкции, и реконструируют его методами социальных манипуляций, демагогии и словоблудия.

Известно, что повседневная речь в логическом отношении грешит неточностями. Но нас интересует даже не то, что многие из таких неточностей становятся привычными и попадают в научные тексты. Нас интересует другое – что отступления от правил логики, с которыми вечно боролась классическая наука, имеют тенденцию обращаться в особый набор правил вербального общения между так называемыми «верхами» и «низами», обращая внимание, снимающее социальные неравенства, в коммуникацию – систему вербальной связи, воспроизводящую социальные неравенства между людьми. Вот пример, подтверждающий сказанное: «Что описывает словосочетание *рабовладельческая демократия, демократию* или *рабовладение*, или особый вид рабовладения, когда демократические принципы общественной жизни распространяются исключительно на рабовладельцев?»

До недавнего времени в таких вопросах не было необходимости, ибо *все* здравомыслящие люди в нашей культуре знали, о чем идет

речь. Но, как показывает опыт общения с современными студентами-социологами, многие из них, не имея представления о рабовладельческой демократии, об *американской*, например, *знают* очень хорошо. В их сознании не развивается способность сравнительно-исторического анализа, не развивается способность проводить корректные исторические параллели. Тогда возможно ли действительно научное понимание ими действительной социальной сути американской демократии?

Поставим другой вопрос: «Чем же отличается словосочетание *рабовладельческая демократия* от словосочетания *американская демократия*?». Это две принципиально различные исторические формы демократии, отличающиеся по способу связи между обществом и индивидом: в рабовладельческой демократии есть личная зависимость раба от рабовладельца, а в буржуазной... так и хочется сказать слово «*нет*».

Но она есть, – не прямая, а опосредованная рынком труда. Такую связь либералы и называют свободной, а либерально ориентированные ученые, не имея мужества провести прямую историческую параллель, прибегают к околонучным *интерпретациям*, с их помощью скрывают реальную социальную зависимость (экономическую, а вместе с ней – и политическую, и культурную) наемных людей от так называемых работодателей. И это им удастся, правда, не без помощи социальных институтов, включая и институт образования.

Широко известный в США и в целом на западе, но замалчиваемый у нас М. Паренти вполне обоснованно назвал американскую демократию демократией для немногих (читай для избранных) [9], а знания о способах ее воспроизводства – *грязными истинами* (Dirty Truths). Данное словосочетание вошло в название одной из его книг.

Напомним, что мы говорим об этих примерах исключительно с логико-социологической целью и пытаемся показать, что, когда определенную историческую форму общественной жизни называют демократией, следует понимать, что понятие демократии относится к категории логического объекта, а понятия *рабовладельческая*, *американская* или еще какая-нибудь – к категории логического предиката. То есть, в каждой отдельно взятой исторической форме демократии есть лишь отдельные демократические элементы, и поэтому не следует абсолютизировать какую-либо одну из них. Абсолютизация – путь к болтовне, способной в общественном сознании формировать нечто идолоподобное, например, власти капитала придавать значение

привлекающей абсолютной ценности, а ростки действительно демократического устройства общества обращать в грязь, в нечто пугающе-демоническое.

Скажем, та же американская демократия, конечно, не рабовладельческая, но и совсем не народовластие. Нельзя власть капитала называть подлинной демократией.

То есть *свободная* социально-политическая интерпретация понятия свободы в социологических текстах грешит фундаментальной неточностью, хотя либерал искренне верит в то, что *его* (читай – либеральное) определение данного понятия исключительно научное, ведь без *свободного* (желательно никем и ничем) не ограниченного *предпринимательства*, рыночная экономика невозможна. Но мы зададим вопрос: «А разве предприниматель, – и либерал как его адепт, – находятся в *пустом* социальном пространстве, в котором нет необходимости для идеологического воздействия на тех, чей труд для него *необходим* или без чьего труда предпринимателем он не может быть по определению?» А между тем нет предпринимателей – нет и либералов, находящихся в функциональной зависимости от них. К тому же сомнительно, когда мелких лавочников называют громким именем предпринимателя.

Забегая наперед, скажем, что Жижек фактически привел классический пример либерально ориентированного пустословного в логическом отношении и постнеклассического в социологическом отношении высказывания о свободе. Логически оно не корректно, ложно, но работает в социальном пространстве. По известным причинам мы не можем сейчас проводить параллели с советским социальным временем, хотя и так понятно, в нем постнеклассика не могла быть институционализирована.

А мы продолжим наш анализ *методологии и логики конструирования пустого слова в науке*.

Здесь следует напомнить, что ученый, пытающийся объединить в одном суждении две взаимоисключающие идеи, мыслит эклектически (эклектика (др.-греч. κλέκτικός – избранный, отборный; от др.-греч. κλέγω – выбираю, отбираю, избираю, то есть, смешение, соединение разнородных стилей, идей, взглядов и т.д.). Для социолога подобное смешение есть социально ориентированное (сознательное или неосознанное) действие, всегда применяемое в отношениях между группами людей или их представителями.

Эклектика по определению алогична. Но если в логике как истинное, так и ложное высказывания относятся к разряду суждений и

формально такими являются, то в социологии ложное суждение собственно суждением не может быть признано: оно должно быть отнесено к категории ложного сознания. Ложная мысль для социолога не может быть рациональной ни в логическом, ни в социальном отношении, ибо не ведет к рациональному (адекватному) действию. Следовательно, принимая прямое или косвенное участие в социальных манипуляциях (скажем, в том же конструировании реальности), социолог не может не понимать, что играет на противоречиях, имеющих место в общественном сознании, распавшемся на систему групповых сознаний, провоцирующих большое число людей мыслить алогично. Он также не может не понимать, в интересах какой категории людей он поступает таким образом, хотя при том искренне верит, что действует во имя так называемых *социальных интересов*. И тогда в его сознании вселяется паралогический вирус, делающий его способным, например, *частному* приписывать значение *общего*.

Паралогика (греч. *παρά* – вопреки и *λογισμαί* – рассуждаю или суждение, противоречащее рассудку) – это логика, выходящая за пределы действительной логики и направленная против нее. Паралогика – система высказываний, в которых заметное место отводится алогичным, взаимно противоречащим вербальным актам.

Однако еще Аристотель обратил внимание на то, что паралогизмы могут быть непреднамеренными и преднамеренными. Чтобы отделить одно от другого, он преднамеренные паралогизмы назвал софизмами (по имени древнегреческих софистов). По сути, здесь Аристотель связал логический анализ с протосоциологическим и показал, что логика может служить не только общим, но и частным интересам, хотя частные интересы можно защищать исключительно методом нарушения законов действительной логики. Аристотель дает понять, что противоречия, возникающие в отношениях между людьми с неравным социальным положением можно разрешать не на практике, а на словах, выстраивая их в предложения, кажущиеся содержательно правдивыми.

Вот один из древних софизмов «Что ты не терял, то имеешь; рога ты не терял; значит, у тебя есть рога». А есть у тебя рога, или нет, какое кому дело? Главное, что **Я** так считаю. Вот другой софизм из *славных* 90-х годов XX века. Либералы (в лице Жванецкого), например, громкогласно заявляли: «Вы говорите, что вас обворовали? А разве вы что-нибудь имели?».

Данное софистическое (оно же демагогическое) высказывание, построенное на основе

ложного представления о социальной универсальности частной собственности, отвергающего общественную собственность как якобы внеисторическую форму собственности, сыграло свою роль, потому что люди в массе своей не имели аргументов, отвергающих ложную (софистическую) мысль. Замалчивая тот факт, что собственность – это не только то, чем мы владеем, распоряжаемся и пользуемся (что относится юридическому ее определению), но и *отношения между людьми*, складывающиеся по поводу того, чем мы владеем, распоряжаемся и пользуемся, а также социальный институт, распределяющий людей по их имущественному цензу на группы и категории, делая их неравными в социальном отношении. То есть людям внушили мысль, что они в действительности ничего *не имели*. Замолчали также и то, что отношения между людьми совсем не обязательно опосредуются отношениями собственности – и, мало того, только тогда они и становятся собственно *человеческими* отношениями и т.д.

Как видим, социологическое и юридическое определения собственности тесно связаны между собой, но их нельзя смешивать, потому что институт права закрепляет только те отношения, которые существуют здесь и сейчас, или которые еще *нужно* установить, чтобы сделать общество более управляемым.

Кроме того, всякий разговор о собственности непременно касается частной собственности и ее разновидностей, а, следовательно, прямо или косвенно включает нас в капиталистическую реальность. И тогда создается иллюзия, что кроме капитализма никакое другое социально-политическое (и, разумеется, экономическое и даже культурное) устройство общества невозможно, а история остановилась.

Понятие общественной собственности в таких условиях лишь показывает, что возможен переход от отношений, опосредованных собственностью, к отношениям, ею не опосредованных и история никогда не останавливается. Даже скандальный Фукуяма, породив «грязное знание» о конце истории, признал, в конце концов, что история остановиться не может.

Как бы то ни было, уже не секрет, что именно капитализм стал тем социальным бульоном, в котором пышным цветом расцвели современная софистика, демагогия и их паралогические родственники. Демагогия, к тому же, оставаясь методом руководства народом, давно перестала быть заискивающей. Исключительная болтовня, построенная на циничных и системных нарушениях законов логики, стала правилом *общественной* жизни, обращая последнюю в нечто чуждое

и даже враждебное многим. Отсюда и губительный для человеческой цивилизации западный гипериндивидуализм и сопровождающие его распады семей, рост суицидальных настроений, психических заболеваний и тому подобное.

Слово – важнейший элемент и средство общения. Было время, когда слово было делом чести и престижа. К сожалению поборников абстрактной морали (как бы общечеловеческой – и то есть, не связанной с социально групповой структурой общества) такое имело место исключительно среди людей, равных в социальном отношении. Пустое слово – тоже средство общения, но весьма специфического. Оно применяется преимущественно в отношениях с людьми, стоящими ниже в социальной иерархии, – с целью нейтрализации свойственной им социальной активности, не желаемой верхами, либо, наоборот, с целью контролируемой канализации их действий, результаты которых для них непременно окажутся неожиданными. И тогда можно сказать, что достичь *желаемых в низах* результатов помешали *враждебные им* социальные силы, хотя силы, названные враждебными, таковыми могут и не быть.

Коммуникативный эффект пустого слова имеет тенденцию к самовоспроизведению. Здесь оно ничем не отличается от слова содержательного.

Содержательное слово – то же, что и документ. Поэтому неудивительно, что не так давно между словами *слово* и *документ* начинала восстанавливаться прямая синонимическая связь. Такое происходило не без влияния науки, пока она на одной шестой земной поверхности продолжала сохранять статус классической.

Между прочим, понятие классической науки – тоже документ, есть система достоверных сведений, заверенных ее авторитетом, завоеванным в противостоянии ученого с веками окружающим его невежеством и подтверждаемым общественно значимыми делами.

Понятно, что документы тоже фальсифицируются, только претензии в таких случаях нужно предъявлять не к документам, а к фальсификаторам, обращающим понятия науки в пустые понятия, – в слова, не имеющие строго установленного (традицией понимания или научным доказательством, корректирующим традицию) смысла, объединяющего множество *отдельных* людей в общество. Социальное конструирование реальности тоже ломает традиционное ее понимание не в общественных, а в частных интересах, называя то и другое словом – «социальные».

Теперь к нам пришло не только другое время, но и другие критерии; теперь и у нас

научность и необходимая ей документальность стали отступать, однако не под напором невежества, которое она постепенно побеждала, а под напором овладевшего миром нахрапистого частного интереса. Частный интерес, по определению, может быть удовлетворен исключительно за счет попрания интереса общественного, для чего, собственно, и стало необходимо культивирование весьма специфического невежества, поименованного массовым сознанием.

Массовое невежество, существующее в форме массового сознания – артефакт, функция частной собственности и производное от деятельности СМК. В руках частных людей (людей, ориентированных на частный интерес) массовое сознание – мощнейшее оружие, направленное против его же носителей. Главная особенность массового человека состоит в том, что он в своих действиях опирается на *повседневный* опыт практической общественной жизни, ибо проходит социализацию, *лишающую* его возможности развивать способность мыслить на уровне точных понятий.

Вести разговор о событиях, в которые вы втянуты, и адекватно понимать их социальную суть – далеко не одно и то же. А без действительного понимания происходящего речь о нем пуста, хотя субъекту *кажется*, что он думающий человек. Получается, что между концептами *Homo sapiens* (человек разумный) и *Homo cogitas* (человек думающий) возникают принципиальные расхождения. Иметь сознание и уметь мыслить *правильно* (по законам логики), как известно, – не одно и то же. Но когда большое число людей на институциональном уровне *лишается* возможности развивать в себе действительные мыслительные способности, указанное противоречие обретает еще и социальную окраску. В таких случаях можно говорить, что в речи *обывателя* о происходящих вокруг него событиях *нет точного понятия* реальных причин происходящего, но есть обыденное понимание этих же причин, основанное на его чувственных впечатлениях.

И наоборот, незнание достоверных причин происходящего делает ваше сознание массовым, обывательским, хотя вы *думаете*, что ваш жизненный опыт указывает вам на эти причины. Как говорил классик, опыт только повод для познания, его начало. Он требует проверки субъективных впечатлений на предмет их достоверности. Поэтому социолог, имея данные социологических опросов, отражающих социальные распределения подобных впечатлений, *должен* искать социальные причины, порождающие указанные расхождения, а не только фиксировать и

описывать его параметры. В противном случае он продуцирует как бы достоверные, но неполные знания, будучи абсолютно уверенным в том, что делает благое для всех дело. Подобное поведение в науке конституировано структурно-функциональным анализом, который, – одними по недоразумению, а другими по злему умыслу, – привыкли относить к системному анализу.

Не секрет, что в нынешних условиях существуют способы убеждать *ошибающихся* людей (людей с ложными впечатлениями) в их правоте или наоборот – убеждать *правых* людей в том, что они ошибаются. В обоих случаях *убеждающие* словоблудят. Причина подобных взаимоисключающих *практических* возможностей как раз и кроется в том, что повседневные впечатления могут быть обманчивыми и требуют проверки на достоверность. Иначе наука никогда не возникла бы.

Как следствие, формируется два вида опыта: повседневный (обыденный) и исследовательский. Между ними есть не только гносеологические, но и строгие социальные различия, ибо они принадлежат разным категориям людей. Однако в случае, когда исследователь обращает имеющееся у него знание об этих особенностях во власть, то хорошо, когда его знание есть властью над невежеством, но плохо – когда оно становится властью над большим числом людей.

Проще говоря, обыденное слово отличается от научного понятия как логической формой, так и смыслом, его глубиной. Когда же научное понятие, подтвержденное ее авторитетом, становится средством власти над людьми, не посвященными в такую возможность, оно лишается атрибутов точности и достоверности и вновь обращается в обыденное представление о реальности, а, следовательно – и в пустое, хотя и весьма действенное слово. При помощи именно таких понятий члены общества разделяются по статусам. Заодно выделяется большое число людей, которым предназначено становится профанами и, как следствие, зависимыми людьми. Скажем, когда большое число людей уверовало в то, что общество действительно разделено на элиту и массу, оно действительно разделяется на элиту и массу.

Тогда приходят социологи, находят признаки элитного и массового поведения. проводят в соответствии с ними опросы и... *подтверждают* (!?), что так оно и есть: общество действительно разделено на элиту и массу. Им и невдомек, что однажды может произойти нечто для них невероятное: масса может сказать, что она больше не масса, а полноправная часть общества, сознание которой было за-

мутнено грязным знанием об элите и массе.

Вот как описывает неточные понятия А. Ивин, – российский логик, занимавшийся анализом ряда логик, а именно, логики оценок, логики норм, логики софизмов и пр. Читаем: «Характерная особенность неточных понятий заключается в том, что с их помощью можно конструировать неразрешимые высказывания. Относительно таких высказываний невозможно решить, истинны они или нет, как, скажем, в случаях высказываний: «Человек тридцати лет – молод» и «Тридцать лет – это средний возраст»» [10]. И еще одно: «Объем имени «круглый квадрат» пуст, так как нет ни одного предмета, который был бы круглым и квадратным вместе» [Там же].

Но Ивин не социолог и судит о пустом понятии исключительно с позиций классической науки. Как логик, он исследует формы мысли, отклоняющиеся от логической нормы. Мы же говорим, что сознательное отклонение от логической нормы есть интеллектуальная девиация и даже целерациональное действие.

Например, нетрудно заметить, что в повседневном вербальном общении между вполне вменяемыми и даже высокообразованными представителями разных социальных групп одни утверждают, что квадрат все-таки имеет признаки округлости, а другие отрицают такое, говоря, что именно круг во многом напоминает квадрат. А если кто-то станет отвергать оба *соображения* как тождественно ложные, пытающиеся отстаивать идею квадратности круга как некую постреальность, он будет подвергнут остракизму с обеих сторон. Кто бы мог подумать о том, что столь любимый либерально мыслящими учеными принцип плюрализма и есть система утверждения квадратности круга, который, к тому же, может быть и многоугольным, и даже замкнутой ломаной линией в любой возможной форме?

За примерами далеко ходить не нужно: ими переполнены современные социологические тексты. Чтобы никого лично не обижать, применим прием логического обобщения, ведь не секрет, что одни социологи открыто озвучивают идеи, согласно которым *частная собственность* – путь к *всеобщему благу*; *индивидуализм* – цель *общественного* развития; *капитализм* (*власть капитала*) – *демократия*; *американская демократия* – вершина *демократического* развития общества; *английская монархия* – самая древняя *парламентская демократия*; *позитивизм* – предел развития *классической науки*, за которым наступает *неклассика*, а потом и *постнеклассика* (хотя именно позитивизм

и стал фундаментальным и систематическим отклонением от канонов классического научного исследования) и т.д. Проблема в том, что взаимоисключающие положения, объединенные в одном высказывании, превращают их в особый глоссарий, не имеющий отношения к реальности, хотя многие ученые пытаются найти им *рациональное* обоснование.

Вспомним еще и либеральное рассуждение о свободе, любое возражение которому любой либерал ожидаемо отнесет к категории идеологического, не замечая собственной идеологической позиции, относящейся к категории постправды, имеющей свои коммуникативные эффекты. Кстати, немецкое слово **оксюморон** (Охуморон, производное от др. греческого слова *ὀξύωρον* – букв. остроумно-глупо) означает сочетание слов с противоположным значением (сочетание несочетаемого), и для объяснения подобных логических казусов неприменимо. Дело в том, что мы имеем дело не с художественной литературой, где оксюморон – стилистический прием, рассчитанный на эффекты, ставящие психику читателей в ситуацию неразрешимых противоречий.

Научная литература требует точных логических определений, без чего не только научная объективность оказывается под большим вопросом, но и сознание ученого может начать давать сбой. Проще сказать, что не следует отождествлять оксюморонные эффекты с паралогическими, которые, если используются неосознанно, есть бред, а если осознанно – социально ориентированное действие, результаты которого ожидаемые одними и неожиданные для других. К тому же паралогические высказывания не обязательно всегда абсолютно пусты. Они могут быть просто неполными.

Например, говоря об американской демократии, либерал контекстуально утверждает, что она самая совершенная. Такое высказывание, будучи наложенным на желание в массах совершенного социального устройства, вызывает в их сознании иллюзию точности и достоверности сказанного. Логически это выглядит так: американская демократия *есть* демократия, следовательно, она совершенна, то есть распространяется *на всех членов общества без исключения*. А то, что понятие демократии более широкое и включает в себя понятия всех других исторических ее форм, включая, между прочим, и советскую – умалчивается. Если же обозвать последнюю еще и тоталитарной, то действие иллюзии американского совершенства значительно усиливается. Без такого противопоставления либеральное понятие тоталитаризма оказывается пустым.

И, тем не менее, советскую демократию называют командно-административной си-

стемой, ограничивающей свободу действий. Здесь тоже недосказанность, вызывающая иллюзию точности и достоверности, хотя остается только догадываться, чью свободу действий она ограничивает? И тогда читатель делает паралогический вывод, что ограничения касались тоже *всех и каждого!* И ни слова о том, что *названное* либералами командно-административной системой на самом деле было системой социальной защиты человека труда от капитализма и капиталистов.

С подобной *логикой*, обращающей научные тексты в либерально-функциональную пустопорожнюю болтовню, мы встречаемся на каждом шагу. Теория трансформационного процесса Т. Заславской тому наглядный пример. *Теоретик*, утверждающий, что отсутствие в СССР предпринимательства и других необходимых для рыночной системы атрибутов, превращает его в тоталитарную систему, должен был бы для доказательства истинности сказанного подумать о том, что нечто подобное можно было бы сказать и в адрес любой другой западной *демократии*, которую с достаточным основанием можно обвинить в том, что она есть институт обеспечения эксплуатации труда одних людей другими и защиты последних от возможных социальных возмущений. Следовательно, каждая из них не менее тоталитарна, хотя носит лукавое имя демократии⁶.

6 Однако для нас важно не только то, что говорит сама Т. Заславская, а то, как она повлияла на последовавшие после нее исследования о трансформации советского тоталитаризма в капиталистическую демократию. В пример приведем книгу М. Шабановой с громким названием «Социология свободы: трансформирующееся общество» (ответственный редактор, между прочим, Т.И. Заславская). Она пишет, что, согласно Т. Заславской, «в трансформационном процессе участвует очень много субъектов, «иницирующих социальную трансформацию»: «действующих групп и лиц, наделенных собственной волей и особыми интересами». Они «делятся на три группы: правящую элиту; социально зрелых и активных представителей массовых общественных групп, в первую очередь средних слоев, и остальную часть общества». «Правящая элита занята целевой реформаторской деятельностью (изменением правовых и административных норм, определяющих «правила игры»), активные представители массовых общественных групп – массовой инновационно-предпринимательской деятельностью», а «остальная часть общества оказывает влияние на общественные преобразования через реактивно-адаптационное поведение» [11].

Как видим, авгуров язык не позволяет из сказанного узнать: какая часть общества была задействована в трансформационном процессе, приведем к свободе предпринимательства (она же рыночная экономика или попросту капитализм); какая часть общества его поддерживала, а какая была в принципе против него; почему те, кто был против (а их, как известно, было абсолютное большинство), не оказали сопротивления переходу к капитализму, и знали ли

они о том, что их туда ведет малая часть самопровозглашенной элиты, и так далее? А главное, не узнать: какие изменения происходили в институциональной структуре советского общества; почему они происходили и почему вызвали паралич социальной воли к действительной свободе. И последнее, но самое интересное, что это за «реактивно-адаптационное поведение», свойственное остальной части общества, вдруг пришедшее на смену сознательному участию в социальном строительстве этой самой части? И что в результате эта часть получила, когда получила свободу предпринимательства?

Здесь уместно, перефразировав Гоголя, спросить у безымянной части общества, которую Заславская цинично назвала остальной: «... куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа». А не дает она ответа только потому, что у нее вообще никто ничего не спрашивает, как это было во времена приснопамятной трансформации, а если и дает, то эксперты найдут нужный (простите, релевантный) способ его интерпретации. При этом их авгурова речь, словно колокольчик, «чудным звоном заливаются» [12], отчуждая волю живых людей и превращая их в нечто напоминающее мертвые души, способные исключительно к реактивно-адаптивному поведению.

И уж совсем странным покажется многим тот факт, что все отчужденное от одних людей, становится собственностью других. Как видим, такое может происходить даже с субъективной волей и с объективной свободой. Вот такая она, свобода, которую получило большинство людей в ходе трансформации, о которой Шабанова даже не догадывается!

Реактивно-адаптивное поведение, между прочим, не свободно по определению! Член АН СССР Заславская об этом не знала? Она не знала, что различные способы именно такого поведения искусственно конструируются?

Если уж говорить о социологии свободы, то нельзя забывать о том, что проблема свободы всегда есть вопрос о действиях одних людей, которые (действия) могут быть ограничены или даже запрещены другими людьми, и что в основе таких отношений лежит классовая структура общества. Следовательно, свобода предпринимательства (какое лукавое словосочетание!) означает ограничение людей труда в свободе выбирать на специально созданном элитой рынке труда тех, кто их труд будет использовать преимущественно в собственных корыстных интересах. Все это противоречит идеям «свободы как возможности субъекта самому выбирать и беспрепятственно реализовывать жизненно важные цели и ценности», которое ведет к развалу общества и никаким образом не связано с социологическим ее пониманием. Правда, если под субъектом понимать действительного собственника, тогда все в порядке.

К тому же социолог не может говорить о свободе действия лишь в связи с некими никем не определяемыми ее ограничителями, например, административными. Он должен говорить о связи проблемы свободы с социальными структурами и, в первую очередь, с социально-классовой структурой общества. И тогда ограничителями свободы окажутся не некие неведь откуда взявшиеся факторы, а люди, для которых ваша свобода – ограничитель их свободы. И «закрепление» перестанет быть абстрактным (!) сужением «возможностей для самостоятельного выбора и реализации важных целей и ценностей», а станет простым и банальным лишением воли.

Короче, без учета сказанного, пустопорожняя болтовня получается. Много и даже интересно читать, но

Как бы то ни было, наблюдая за происходящим не только в СМК⁷, но и, например, в современной политике, нетрудно заметить, что пустословные вербальные практики только набирают обороты.

Социологи, как видим, тоже не отстают. У них здесь есть свои *достижения*, скрывающие за глоссами, – симулякрами действительных слов, – их реальные *творческие* намерения. Словесная казуистика (от лат. casus – случай, казус), направленная не на выяснение сути дела, а на его сокрытие, а то и на формирование ложных представлений, переполняет социологические тексты.

память засоряется словесным мусором и «грязными знаниями», из чего следует, что здесь мы имеем дело с третьей категорией ученых, которых и мужество как бы и не оставило, и действуют они, как им кажется, во имя общественного блага. Только одна беда, – авгуров язык для них стал нормой, а разговаривающая их устами социология перешла в разряд постнауки, служащей не обществу, но совокупному частному лицу.

7 То, что называется средствами массовой коммуникации, перестало быть средством информирования общества по интересующим его вопросам. В наших условиях они занимаются инкорпорацией населения в капиталистическую политико-правовую систему и рыночную систему хозяйствования.

Заметим, что понятие информации, – по определению, – предполагает распространение достоверных сведений. Но если сообщение (формальная сторона дела), – элемент в логической структуре информации, – доминирует над ее содержательной достоверностью, мы получаем пустое сообщение: набор глосс, требующих последующих уточнений. И тогда наступает время для действий особого рода специалистов – так называемых экспертов, действующих в том же самом ключе, то есть призванных заниматься социально ориентированной интерпретацией реальности. А что в итоге? Происходит обращение того, что принято в СМК называть информацией, в набор глосс с нулевым информативным объемом, что, как мы уже знаем, не остается без социальных последствий.

Достоверные сведения формируют адекватное отношение к действительности в сознании больших масс людей, а пустые – обращают большие массы людей в бесформенную и раздробленную массу с соответствующим сознанием. И тогда психически вмняемые люди под воздействием пустых сообщений становятся способными к невменяемым действиям.

Следовательно, хотя бы ученым нужно набраться мужества и вернуться к истокам, и напомнить, что латинское слово *informātiō* означает разъяснение, представление, понятие о ч.-л, и связано с другим латинским словом *informare* – придавать вид, форму, обучать; мыслить, воображать. Получается, что, когда форма, в которой нечто сообщается, не соответствует достоверности, мы имеем не информацию, а манипуляцию.

Но есть ученые, которые игнорируют данный факт. Например, у Когаловского информация определена как сведения «независимо от формы их представления» [14, с. 66]. Такое определение выхолащивает смысл данного понятия по той причине, что сведения, лучше сказать, сообщение, совсем не обязательно достоверно, но, будучи названным информацией, подкупает видимой достоверностью.

Вот пример из Парсонса, хотя и не самый показательный: «Действие образуется структурами и процессами, посредством которых люди формируют осмысленные намерения и более или менее успешно их реализуют в конкретных ситуациях. Слово “осмысленный” предполагает, что представления и референция осуществляются на символическом, культурном уровне. Намерения и их осуществления в своей совокупности предполагают способность системы действия – индивидуально или коллективного – модифицировать свое отношение к ситуации или окружению в желательном направлении» [13]. Если не иметь представления о парсоновской же концепции символических систем, в прочитанном ничего казуистического не обнаружить. Но Парсонс, в противоположность символическому интеракционизму, настаивал на том, что символические системы нагружены социальными контекстами. Разумеется, что данный принцип должен быть распространен и на учение самого Парсонса.

Так вот, та логическая конструкция, в которой Парсонс употребил слово «осмысленный», лишило данное слово его *социального* контекста в том смысле, что мы знаем. Мы не знаем, о *чьих* собственно осмысленных действиях идет речь и *кто* составляет окружение и действует ли оно тоже *осмыслено*? Мы также не знаем о том, одинаково ли осмысливают первые и вторые одни и те же ситуации?

Так и хочется сказать, что *теоретик* Парсонс – один из современных авгуров, коих легион. Используемые им понятия сеют иллюзию строгой науки, тогда, как она не более, чем теория элитарности, а точнее – буржуазная классовая теория, переполненная неполными понятиями. Для него общество не цель, а неблагоприятная среда и неудобоваримое сырье, требующее специальной обработки.

Положения, выдвинутые в данной статье, показывают, что пустословные вербальные практики имеют не только древнюю историю, что выражалось в форме демагогии, алогизмов, паралогизмов и софизмов, но и множатся и активно распространяются в последние десятилетия, что стало особенно заметно вместе с переходом науки в так называемое постнеклассическое состояние. Как следствие возникает большое число эффектов, имеющие четко обозначенные социальные последствия:

– часть из них уже нашла свое достаточно точное терминологическое обозначение, например, языковые игры, классика, неклассика, постнеклассика и т.д., хотя еще не нашла достойного социологического описания, как так или иначе отражающейся на общественной жизни большого числа людей;

– часть же еще не нашла даже своего более-менее точного терминологического обозначения

Ко второй категории может быть отнесена, например, постправда, – система субъективных утверждений о чем-либо, не имеющих своего действительного прототипа, но сама претендующая на статус особой реальности, потому что имеет строго фиксируемые социальные последствия. Сюда же можно отнести формы проявления постнауки, которые в социологии могут быть обозначены как постсоциология, постметодология и т.д., основанные преимущественно не на доказательствах, а на социально ориентированных интерпретациях, и имеющие все признаки языковых игр. Эмпирические данные, применяемые в таких играх, фиксируют не состояние реального общества, а состояния массового сознания, изменяющиеся под воздействием меняющихся ситуаций [15].

Уже Аристотелю было известно, что софизмы, например, – это разновидность паралогизмов, которые, в отличие от последних, носят неслучайный характер, потому что являются преднамеренно ложными высказываниями. Отсюда следует, что в их социологическом описании они могут быть поняты как разновидность социальных действий. Главный эффект таких действий состоит в том, что пустословие в вербальных социальных коммуникациях стало важнейшим средством воспроизводства уже существующих социальных неравенств и зависимостей, а также производства новых.

Что касается научного пустословия, то из категории случайных логических ошибок оно перешло в категорию системных логических ошибок, стающих своеобразными нормами поведения ученых в науке, когда делается возможным их преднамеренное использование в научных коммуникациях с целью усиления коммуникативных эффектов. Общественное оказалось наиболее подверженным такой трансформации.

В итоге значительно затрудняется рефлексия обществоведческого знания, включая социологическое, на предмет его действительной социальной обусловленности, – его обусловленности социальными структурами и ориентированными на прагматику социальными действиями. Причиной указанной трансформации, прошедшей несколько этапов, но не достигшей еще своего *логического предела*, является возникший в середине XIX века позитивизм.

Исходя из сказанного, делаем вывод о том, что социологические исследования пустословных практик только начинаются и имеют устойчивую перспективу развития,

обозначенную как перечисленным здесь набором понятий, так и большим числом социальных эффектов, которые еще не нашли своего терминологического выражения. Однако, учитывая современные не только укра-

инские, но и мировые реалии, социологам, которые заинтересуются указанной проблематикой, следует набраться для этого необходимого гражданского и исследовательского мужества.

Литература

1. Николаенко Л. Г. Функциональное пустословие: языковые игры на либеральном политическом поле / Л. Г. Николаенко // Проблемы розвитку соціологічної теорії: держава – людина – соціальна відповідальність: матеріали X Всеукраїнської науково-практичної конференції (4 травня 2013 року, м. Київ). – К.: Логос, 2014. – С. 103-137.
2. Маллиган К. Точность и болтовня. Глоссы к парадигматическим противопоставлениям в австрийской философии [Электронный ресурс] // Логос. – № 1, 2002 (32). – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_01_32.htm].
3. Гегель Г.В.Ф. Философия духа / Г.В.Ф. Гегель // Энциклопедия философских наук. Том 3. – М., 1977. – 471 с.
4. Кант И. Критика Чистого разума / И. Кант // Сочинения в шести томах, т. 3. – М.: Мысль, 1964.
5. Кант И. Опыт некоторых рассуждений об оптимизме / И. Кант // Сочинения в шести томах, т. 2. – М.: Мысль, 1964.
6. Иеромонах Иов (Гумеров) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/29173.html>
7. Блур Д. Сильная программа в социологии знания [Электронный ресурс]. / Д. Блур. – Режим доступа: http://www.philsci.univ.kiev.ua/UKR/courses/asp/asp-lit/08_bloor.pdf
8. Жижек С. Идеология – пустое слово, именно поэтому она и работает [Электронный ресурс] / С. Жижек. – Режим доступа: <http://archives.colta.ru/docs/20836>
9. Паренти М. Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США / М. Паренти. – М.: Поколение, 2006. – 418 с.
10. Ивин А.А. Искусство правильно мыслить [Электронный ресурс] / Ивин А. А. – Режим доступа: http://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/iviv_isskustvo_ptavilno_mislit.pdf.
11. Шабанова М. Социология свободы: трансформирующееся общество [Электронный ресурс] / М. Шабанова. – Режим доступа: http://polbu.ru/shabanova_freedom/.
12. Гоголь Н. В. Мертвые души [Электронный ресурс] / Н. В. Гоголь. – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/78/p.1/index.html>.
13. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения [Электронный ресурс] / Т. Парсонс. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/pon_ob.php.
14. Когаловский М. Р. Глоссарий по информационному обществу / М. Р. Когаловский / Под общ. ред. Ю. Хохлова. – М.: Институт развития информационного общества, 2009. – 160 с.
15. Яковенко Ю. І. Артефакт у соціологічних дослідженнях у контексті теорії фундаментальної тріади / Ю. Яковенко, М. Бургін // Вісник Київського університету. Серія: Соціологія. Психологія. Педагогіка. – К., 1999. – Випуск 7. – С. 4-8.